

Лин И принес овощную рассаду домой. Цинь Цин уже сходил с тесаком в бамбуковую рощу и нарезал нужного бамбука. Заметив, что Лин И только что вернулся, он бросил:

— Что же ты так долго?

Непонятно почему, но в голове у Лин И сразу же всплыли слова тетушки Линь о том, что надо бы родить парочку пухленьких малышей. С неестественным выражением лица он ответил:

— Да так, ничего особенного. Тетушка Линь задержала меня, поболтали о том о сём.

— Вот как, — Цинь Цин чувствовал, что с тем что-то не так, но не мог понять в чем дело. Не успел он толком поломать над этим голову, как Лин И, словно спасаясь бегством, схватил рассаду и поспешил к огороду.

Увидев это, Цинь Цин заинтересовался еще сильнее. Он бросил заготовленный бамбук и последовал за ним:

— Братец И, я помогу тебе, так будет быстрее.

Лин И и без того был растревожен речами тетушки Линь. Он еще сам не разобрался, что чувствует к Цинь Цин, а тот в этот момент еще и вился вокруг него, так что рассчитывать на ласковый прием не приходилось — Лин И одарил его несколькими уничтожающими взглядами.

Цинь Цин от такого взгляда даже оробел. Разве он сделал что-то не так? Почему братец И вернулся из дома тетушки Линь таким? Его снедало жгучее любопытство: о чем таком они говорили, что тот вдруг ни с того ни с сего разозлился?

Спросить он не смел, а потому лишь робко и услужливо помогал Лин И.

Глядя на то, как этот крупный, рослый мужчина перед ним старательно прислуживает и тушует, Лин И невольно усмехнулся. Вид у него был точь-в-точь как у обиженной молодужи. Лин И не выдержал и прыснул со смеху.

Заметив, что тот улыбнулся, Цинь Цин немного оттаял:

— Братец И, что с тобой? Что тебе сказала тетушка Линь? Она обидела тебя?

— Ничего подобного, тетушка Линь ко мне очень добра. Она даже не взяла с меня денег за эту рассаду, да еще велела приходить к ней, если вдруг возникнут какие-то трудности. И сказала, что если ты посмеешь меня обидеть, она сама придет заступиться, — с гордым видом произнес Лин И.

— Да как я посмею тебя обижать! Я... я ведь души в тебе не чаю.

Произнеся это, Цинь Цин тут же пожалел о сказанных словах. Братец И, казалось, еще не открыл ему свое сердце — а вдруг он испугает его и тот сбежит?

Но сказанного назад не воротишь.

— Братец И, ты... ты согласен стать моим мужем? Не тем показным мужем, о котором объявляют людям, а моим настоящим мужем? — Цинь Цин подумал, что раз уж разговор зашел об этом, лучше сразу выложить всё начистоту. Сказав это, он замер на месте, словно приговоренный к суду преступник в ожидании приговора.

Лин И слегка опешил от такого заявления. Он думал, что до того момента, когда они прорвут эту невидимую преграду в отношениях, пройдет еще немало времени, но никак не ожидал, что Цинь Цин так быстро потеряет терпение.

Однако раз уж Цинь Цин высказался напрямую, ему самому тоже следовало хорошенько всё обдумать.

За дни совместной жизни он успел узнать нрав Цинь Цин. Это был на редкость хороший мужчина: в нем не было того спесивого патриархального уклада древних мужей, он не смотрел свысока на женщин и гээр, выполнял любую домашнюю работу наравне со всеми, обладал прекрасным характером и честным нравом, а внешностью и фигурой и вовсе отвечал всем его личным предпочтениям. Если посудить, даже в современном мире вряд ли удалось бы отыскать столь подходящего человека.

Единственным минусом было то, что гээр способны рожать детей. Впрочем, детей он очень любил, а будучи сиротой, всем сердцем тосковал по собственной семье.

Просто со времен полового созревания его ориентация была традиционно мужской, и раньше он даже не помышлял о возможности обрести кровных родственников. Но, судя по воспоминаниям прежнего владельца тела, завести ребенка для гээр — задача не из легких. Руководствуясь принципом жить сегодняшним днем, он решил плыть по течению и наслаждаться тем, что есть здесь и сейчас.

А Цинь Цин, глядя на молчащего Лин И, решил, что тот отказывается, и его сердце падало всё ниже. Он уже подумывал: если Лин И ответит отказом, не прибегнуть ли ему к бесстыдству, чтобы удержать его рядом и постепенно завоевать его сердце? Но тут Лин И заговорил:

— Я согласен. Только смотри у меня, чтобы впредь относился ко мне хорошо, не то я дам тебе пинка и найду кого получше.

Он уже приготовился услышать смертный приговор, как вдруг всё неожиданно переменялось.

Цинь Цин подумал, что его сердце сегодня вынесло немало испытаний.

Опомнившись и убедившись, что Лин И действительно дал согласие, он от радости не знал, что и делать: швырнул мотыгу на землю, подхватил Лин И на руки и принялся кружить его.

— Братец И, не переживай, я буду носить тебя на руках! И даже не думай искать кого-то другого, исключено!

Лин И испугался его внезапной выходки и от души стукнул по спине:

— Ты чего удумал, ну-ка быстро опусти меня!

Получив затрещину, Цинь Цин наконец остепенился. Он опустил Лин И на землю, но продолжал во все глаза смотреть на него и улыбаться. Лин И от такого пристального взгляда даже покраснел:

— Хватит лыбиться, принимайся за работу! Мы собираемся навес для птицы строить или нет?

Голос звучал уверенно и властно, но раскрасневшиеся лицо и уши выдавали его с головой.

Цинь Цин понимал, что если перегнуть палку еще хоть немного, братец И и вправду рассердится, поэтому он поспешно схватил брошенную мотыгу. Вместе с Лин И они слаженно досадили всю рассаду, взятую у тетушки Линь, и полили ее.

Закончив с огородом, Цинь Цин вернулся во двор и принялся возиться с той кучей бамбука.

Сначала он нарубил бамбук на куски нужной длины, а затем расколол их на вертикальные планки. Подготовив материал, он с помощью бамбука огородил в заднем дворе вольеры для курей и утров, а также соорудил несколько загончиков.

Лин И неотступно ходил за ним следом, подавая бамбуковые планки и инструменты. Вдвоем они работали на совесть, и к концу дня, пусть и в спешке, всё было готово.

Для курятника и утятника требовалось смастерить еще и навесы от дождя, чтобы птицу не заливало непогодой, но бревна заготовить они еще не успели, так что сегодня уже не нашлось бы времени — можно заняться этим в другой раз, когда выдастся свободная минутка.

Лин И застелил полы в курятнике и утятнике слоем соломы для гнезд, запустил внутрь цыплят и утят, налил воды и бросил нарубленной зелени — на этом обустройство птицы было завершено.

После утомительного дня вечером полагалось отвезти что-нибудь сытное. Пообещав днем Цинь Цин пельмени с пастушьей сумкой, он поспешил на кухню: зачерпнул муки, добавил воды с щепоткой соли и позвал Цинь Цин, обладавшего крепкими руками, замесить тесто. Накрыв готовый колобок матерчатой занавеской, он оставил его подходить у печи, а сам занялся начинкой.

Лин И тщательно вымыл пастушью сумку, ошпарил кипятком, откинул на сито, чтобы стекла вода, и мелко порубил. Затем он вымыл вок, разбил в него четыре яйца, взболтал и, вылив в раскаленный котел, обжарил крошкой, отложив в сторону.

Видя, что тесто достаточно отдохнуло, Лин И смешал подготовленную пастушью сумку с яичной крошкой, добавил соли, соевого соуса, мелко нарезанного дикого лука, сушеных креветок и кунжутного масла. Всё тщательно перемешав, он получил готовую начинку из пастушьей сумки с яйцом.

Можно было приступать к лепке. Лин И скатал тесто в колбаску, нарезал на ровные кусочки и, слегка приноровившись крутануть скалку, раскатал тоненькие кругляши для пельменей. Раскатывая тесто, он спровадил рвавшегося в бой Цинь Цин кипятить воду, а сам ловко, в два счета, наляпал целую гору пельменей.

Вдвоем они от души наелись свежих, невероятно ароматных пельменей. Лин И слепил их с избытком, так что часть еще осталась на завтрак. Насытившись, они сидели поглаживая животы и помогая пище усвоиться.

Цинь Цин, вспомнив о чем-то, поднялся, ушел в свою комнату и спустя мгновение вернулся с целой стопкой вещей.

Он свалил всё это на стол, подвинул к Лин И и произвел:

— Братец И, здесь все мои сбережения. Вот земельные и домовые грамоты, вот — военная добыча за убийство варваров и казенное жалованье при выходе в отставку, это серебро, что я заработал охотой за последнее время, а это... то самое двадцать лянов, что ты дал мне в прошлый раз. Бери всё.

Лин И с удивлением посмотрел на разложенные по столу вещи. Он и не думал, что у Цинь Цин такая солидная финансовая база.

Он протянул руку и коснулся изящной деревянной шкатулки, о которой говорил Цинь Цин. На ней был вырезан замысловатый узор в экзотическом стиле, а все восемь углов тонко инкрустированы золотыми пластинками.

Сгорая от любопытства, он открыл ее. Ого! Внутри всё так и сияло золотом: сплошные золотые украшения да два массивных золотых слитка — одновременно безвкусно и роскошно.

Заметив его изумление, Цинь Цин самодовольно пояснил:

— Наш генерал очень хорошо относился к подчиненным. После каждой победы он позволял нам выбирать из того золотого хлама, который был им неинтересен. У меня в армии расходов почти не было, вот я понемногу и набрал целую шкатулку. Если тебе не нравятся эти фасоны, мы можем отвезти ее в уездный город, переплавить и заказать тебе новые украшения.

Лин И поспешно замахал руками, отказываясь. Хотя его ориентация была традиционной, он вовсе не мыслил себя в роли изнеженного гээр той эпохи, а к ношению побрякушек относился с глубоким пренебрежением.

Увидев, что тому ничего не приглянулось, Цинь Цин порылся в шкатулке и извлек на свет кусок бараньего жира-нефрита, вырезанный в виде девятихвостого лиса, протянув его Лин И.

— Тогда носи это. Генерал говорил, что у этого нефрита хоть и не первосортная выделка, но зато у него редкий дымчато-пурпурный оттенок, потому я его и выбрал. Мне показалось, что этот цвет тебе к лицу, да и форма — благовещенский божественный зверь.

Лин И взял нефрит. На ощупь камень был теплым и гладким, держать его в руках было очень приятно. Чем дольше он разглядывал вещицу, тем больше она ему нравилась, и он без лишних церемоний принял подарок.

Раз уж Цинь Цин открыл перед ним свое сердце, Лин И посчитал, что должен ответить тем же. Он тоже ушел в комнату и принес серебро, доставшееся при разделении семьи, и ничем не примечательную шкатулку из воспоминаний прежнего владельца.

С улыбкой он обратился к Цинь Цин:

— Ты выложил все свои накопления, я тоже не могу остаться в долгу. Вот мои сбережения.

Цинь Цин с любопытством воззрился на самую обыкновенную коробочку. Повертев ее в руках, он так и не нашел места, где она открывается, и вопросительно посмотрел на Лин И.

Лин И взял шкатулку и, следуя потайным воспоминаниям, отыскал потайной механизм. Крышка откинулась, являя взору две превосходные дикие женьшеневые корни, завернутые в желтый шелк.

Его взгляд скользнул по содержимому со сложными чувствами. Не зря говорят: родители думают о будущем своих детей наперед. Родители прежнего хозяина тела искренне любили его: даже уходя из жизни, они всё тщательно продумали и тайком спрятали самые ценные вещи в этот секретный ларец, о котором никто не знал. Пока эти два корня женьшеня при нем, нужды в деньгах у него не будет.

— Это... дикий женишень?!

Стоило ли удивляться Цинь Цин? В древности дикий женишень ценился на вес золота, а уж эти два корня насчитывали не меньше сорока лет каждое, да и качество было безупречным.

Лин И пожалел прежнего владельца, и на его лице промелькнула тень печали:

— Да, это папа оставил мне в приданое. Самое ценное, что было в нашем доме. Мама перед уходом тихонько отдала его мне, даже второй дядя ничего не знал.

Видя, что тот опечалился, Цинь Цин подошел и обнял его:

— Всё хорошо, братец И, теперь у тебя есть я.

Лин И не мог объяснить ему всё как есть, поэтому просто уткнулся лицом в его грудь, унимая бурю в душе.

Спустя долгое время Лин И похлопал Цинь Цин по спине, давая понять, что пора разомкнуть объятия. Заметив, что тот по-прежнему смотрит на него с беспокойством, он произнес:

— Я в порядке. Нам ведь нужно смотреть вперед, верно?

Цинь Цин кивнул и спустя паузу заговорил:

— Братец И, наши кровные узы с родителями оборвались рано. Но когда мы поженимся, мы рука об руку пройдем через всю жизнь, и я стану твоей единственной настоящей семьей.

Его обещание прозвучало так твердо, что Лин И, кажется, тоже заразился этой уверенностью. Тяжело кивнув, он подумал, что у него теперь тоже будет семья.

Побув какое-то время в нежных объятиях друг друга, они принялись ревизовать домашнюю казну: шкатулка с золотыми украшениями, два корня женишени, закладная на дом, две грамоты на поля, а их общие серебряные сбережения в сумме составили чуть больше семидесяти лянов.

Цинь Цин заметил:

— Вообще-то серебра было больше ста тридцати лянов, но на покупку земли и строительство дома ушло почти сто, вот и осталось столько. Но ты не переживай, братец И, я буду стараться зарабатывать еще.

Лин И улыбнулся:

— Неправильно. Мы будем стараться вместе.

Увидев его улыбку — лучистые глаза и изогнутые дугой брови, — Цинь Цин не удержался и потрепал его по макушке:

— Хорошо, будем стараться вместе. А теперь приberi всё это хозяйство, с сегодняшнего дня ты ведешь семейный бюджет.

Ощущая тепло ладони Цинь Цин и слыша его ласковые слова, Лин И позорно покраснел до самых кончиков ушей.

Он опустил глаза, нанизал на пеньковую веревку пару медных монет и сунул их Цинь Цин в руку:

— Ладно, раз велел мне вести хозяйство, буду вести. А это тебе на карманные расходы.

Цинь Цин больше всего на свете любил его оживленное, лучащееся энергией лицо. С нежной улыбкой он произнес:

— Тогда мне придется хорошенько ублажать своего мужа, не то останусь без гроша в кармане.

— Кто твой муж? Бесстыдник!

— Ой-ой, интересно, кто это тут при всем честном народе говорил: и обнимал, и лапал? Теперь вот и вся казна у тебя в руках, неужто вздумал отпираться?

Цинь Цин с лукавой усмешкой резко подался вперед, в упор глядя на Лин И проницательным взглядом темных глаз.

Увидев перед самым своим носом это смазливое лицо, Лин И снова бесславно залился краской. Ну надо же, где этот мужлан только понабрался такого? Он же человек из современного мира, а подкатывать к нему так и не научился.

Сделав недовольный вид, он оттолкнул его ладонью:

— Хватит языком трепать, давай лучше убирай всё, надо подыскать надежное место, чтобы спрятать добро.

Цинь Цин не стал настаивать, но про себя уже решил при первом же удобном случае съездить

к тестю с тещей, чтобы родня помогла уладить свадебные дела — он собирался взять братца И в жены по всем правилам.

Услышав, что нужно спрятать ценности, Цинь Цин завел его в свою спальню. Открыв створку платяного шкафа и сдвинув одну из боковых полок, он обнажил потайное отделение с замком. Протянув Лин И ключ, он сказал:

— Спрячем здесь. Этот тайник я смастерил сам, подсмотрев у варваров, как те прячут вещи. Хоть он и простоват с виду, но спрятан надежно.

Повозившись еще немного и окончательно спрятав семейные сбережения, они оба, зевая во весь рот, умылись и легли спать.

<http://bllate.org/book/19376/1894263>